

наблюдаемый предмет есть для всеобщего *Я истина*, в которой оно ничего не должно изменять и которую должно брать так, как она есть, и так, как она была бы и без его наблюдения.

Теперь обратимся к самому предмету. Мы видели, что он уже – не единичный *этот*, как предмет чувственной достоверности, но *всеобщий*: не эта береза, но береза *вообще*. Береза же вообще не есть нечто созерцаемое, чувственное. Как *всеобщее*, она недоступна для чувственного созерцания и есть не более как *непреходящее отвлечение* от множества преходящих и не выговариваемых, а, следовательно, и неистинных единичностей; но, с другой стороны, всеобщее отвлечение это различается от подобных ему всеобщих отвлечений своими чувственными постоянными определенностями, своими существенными качествами, а потому, с одной стороны, *отвлеченно и сверхчувственное*, оно, с другой стороны, *чувственно: чувственное Всеобщее*. Береза вообще, например, не имеет чувственного непосредственного пребывания и, как отвлечение от множества единичных, непосредственно пребывающих берез, есть *всеобщее*, но, как отличающаяся от других всеобщих предметов цветом, формой своих листьев, своей коры, своими чувственными свойствами или качествами вообще, она есть *чувственное Всеобщее*.

Наблюдение есть сфера обыкновенного ежедневного сознания и эмпирических наук вообще. Наблюдающее сознание является, с одной стороны, как чувственная достоверность, потому что предыдущие степени развития сохраняются в последующих как моменты, но, с другой стороны, возвышается над нею и ищет своей истины не в единичном предмете, но в его роде; род же, по вышесказанному, есть чувственное всеобщее, т. е. простое Всеобщее, имеющее свою реальность в чувственных определенностях, качествах. Вследствие этого опытное наблюдение составляет переход от чувственной достоверности, истина которого есть чувственное единичное *это*, к царству отвлекающего и вникающего (*reflectierenden*) рассудка, имеющего истину свою в незримом внутреннем мире сил и законов, являющихся по внешности. Предмет опытного наблюдения, с одной стороны, есть уже отвлечение, мысль как предмет, не имеющий существования, как всеобщий, но существующий только во множестве соответствующих ему ничтожных и преходящих единичных, от которых он есть отвлечение; с другой же стороны, это отвлечение не есть чистое отвлечение, потому что оно имеет в себе момент чувственного многоразличия, его сущность заключается во множестве чувственных качеств.

Но предмет наблюдения не удерживается, точно так же как не удерживается и предмет чувственной достоверности, и, как последний, разрушается своим собственным диалектическим движением, а именно он есть внутреннее противоречие, как имеющий всю свою сущность в качествах, которые поэтому, как *только его* качества, должны быть с ним неразрывно связаны и вне его исключительного единства не должны иметь самостоятельного и независимого существования: *соль бела, солена*, имеет *кубичную форму, тяжесть* и т. д., и вся ее сущность заключается в сих качественных определениях, которые поэтому должны быть с нею в неразрывном единстве. Но качества являются также, как и *самостоятельные*, независимые, как *всеобщие* определения, не ограничивающиеся только одним предметом, но распространяющиеся на несколько различных предметов: *соль бела*, но *белизна* не есть ее исключительная принадлежность – и *снег, и сахар, и мел белы*. Скажут, что между белизной снега, сахара, мела и т. д. есть разница, но эта разница не выговариваема и потому и не может быть предметом всеобщего сознания, а потому и не более как *ничтожная* разница, – существенное заключается во всеобщей, выговариваемой определенности, независимой от одного какого-нибудь предмета. Вследствие этого предмет наблюдения разрушается именно с той стороны, которая составляет его сущность, реальность; он *распадется на свои качества*, являющиеся как *существенные*, в противоположность предмету как несущественному. Это может показаться странным, но довольно малейшего внимания в предмет со многими качествами, для того чтоб удостовериться в истине нами сказанного. В самом деле, что такое предмет, взятый отдельно от его качества? Ведь в качествах его заключается вся его сущность; то, чем он различается от всех других предметов, и есть именно этот *определенный* предмет. Как различите вы, например, сахар от соли? Не иначе как посредством их *различных* качеств, без которых они составляли бы для вас один и тот же предмет; если бы сахар, например, имел совершенно одинаковые качества с солью, то они были бы для вас одно и то же. Итак, в качествах заключается вся сущность предмета, который является как всеобщая и равнодушная среда, в которой сопроникаются друг от друга различные качества, не вытесняя друг друга: *соль бела, и кубична, и солена*, и все эти качества не имеют различных мест, но занимают одно и то же место и простираются так же далеко, как и сама соль. Когда мы говорим о предмете со многими качествами, то в самом выражении этом